

7. Cassel, J. The contribution of the Social Environment to Host Resistance // American Journal of Epidemiology. – 1976. – P. 107 – 123.
8. Cohen S. E. Stress, Social Support, and the Buffering Hypothesis / S. E. Cohen, T. A. Wills// Psychological Bulletin. – 1985. – №98(2). – P.310 – 357.

УДК 159.9.07

ВАРИАЦИИ СТРАХА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19 **VARIATIONS OF FEAR DURING THE COVID-19 PANDEMIC**

Розенова М. И., доктор психологических наук, профессор
МГППУ (г. Москва, Россия)

Rozenova M. I., G. PhD in Psychology, Professor
MSPPU (Moscow, Russia);

Екимова В. И., доктор психологических наук, профессор
МГППУ (г. Москва, Россия)

Ekimova V. I., G. PhD in Psychology, Professor
MSPPU (Moscow, Russia)

Кокурин А. В., кандидат психологических наук, профессор
МГППУ (г. Москва, Россия)

Kokurin A. V., PhD in Psychology, associate Professor
MSPPU (Moscow, Russia);

Сорокова М. Г., кандидат математических наук,
доктор педагогических наук, профессор
МГППУ (г. Москва, Россия)

Sorokova M. G., PhD in Mathematical Sciences,
G. PhD in Pedagogical Sciences, Professor
MSPPU (Moscow, Russia)

Рассмотрены трактовки понимания страха и выраженность феноменологии страха в лексических формах. Авторами поставлен вопрос о специфике страхов современных людей в ситуации текущей инфекционной пандемии. Результаты исследования отразили приоритет социальных страхов (утраты престижа, уважения и любви) над страхами смерти и болезни, и замещение конструктивных страхов деструктивными и дефицитарными, которые могут провоцировать небезопасное поведение личности в условиях реальных угроз. The interpretations of the understanding of fear and the severity of the phenomenology of fear in lexical forms are considered. The authors raised the question of the specifics of the fears of modern people in the situation of the

current infectious pandemic. The results of the study reflected the priority of social fears (loss of prestige, respect and love) over fears of death and illness, and the replacement of constructive fears with destructive and deficient ones, which can provoke unsafe behavior of a person in conditions of real threats

Ключевые слова: страхи, конструктивные, дефицитарные, деструктивные, пандемия, реагирование, невротическое, исследование, точность, понимание.

Keywords: fears, constructive, deficit, destructive, pandemic, response, neurotic, research, accuracy, understanding.

Случившийся мировой катаклизм в виде инфекционной пандемии Covid-19 многочисленные комментаторы, специалисты и исследователи практически сразу начали называть «пандемией страха» и «страхотемией». Выражение «Страх убивает больше, чем болезнь» стало одним из самых популярных высказываний в СМИ.

Так получилось, что еще задолго до начала пандемии тема страха заинтересовала нас как потенциально актуальная для разработки. Не успели мы наметить основные исследовательские линии, как грянула общемировая комплексно-травматическая ситуация, содержащая в себе полный набор возможных трудностей и экстремальности [3; 4; 5; 10].

Трактовки страха и страхов со времен Античности весьма разнообразны. Для Диогена Страх есть ожидание зла, душевное потрясение, вызванное ожиданием беды»; кроме страха он выделяет Ужас (страх, наводящий оцепенение), Робость (страх совершить действие), Потрясение (страх от непривычного), Испуг (страх, от которого отнимается язык), Мучение (страх неясного, ожидание невыносимого). Для Платона стыд тоже является страхом, связанным с социальным бесчестием. Макиавелли позиционирует страх инструментом управления в руках повелителя. Бекон признает страх необходимым средством сохранения жизни, но констатирует, что страх выступает источником предрассудков и искажения реальности. Гегель определяет страх в позитивное чувство, необходимое для развития и самосовершенствования. Кьеркегор также отмечает страх как духовное явление, необходимое для Христианской Веры, в котором проявлено единство Высочайшего и Низменного, Временного и Вечного. Ясперс увязывает страх с идеями будущего, в котором человек может оказаться брошенным, одиноким, неуважаемым, неуспешным. Гоббс дифференцирует страх, выделяя страх смерти, страх непознанного (невидимого, всемогущего-

го) и страх наказания [2; 11]. В представлениях мыслителей прошлого достаточно целостно и емко описаны составляющие и феноменология сложного явления психики, именуемого страхом.

Языковое название страха также отражает его сложность и имплицитное разнообразие: мы можем «бояться», «страшиться», «дрожать», «робеть», «трепетать», «стусеваться», «испугаться», «трястись», «опасаться», «труситься», «оторопеть», «паниковать» и многое другое. В старорусском языке в определение Страх включали «сужение пространства, стеснение, оцепенение и сжатие», что сейчас мы бы определили как описание физиологических проявлений переживания. Очень информативен в отношении понимания природы и разновидностей страха немецкий язык, в котором есть два основных термина для его обозначения. «Furcht» (нем) – реагирование человека на конкретную (видимую, предметную) угрозу, определенную в своих границах (есть размер, объем, цвет, временная и пространственная протяженность угрозы). Furcht – это некий опредмеченный страх, который порождается чаще всего внешними объектами. Furcht, в трактовке М. И. Розеновой (2020), это «экзогенный страх», который преимущественно, задается внешней реальностью. Но есть и другое обозначение страха – «Angst» (нем), подразумевающее страх-тревогу, связанную с чем-то неопределенным, беспредметным, неясным, неформленным, смутным, диффузным, безотчетным, не имеющим границ и навязчиво повторяющимся. Angst задается внутренними источниками (опасениями), в силу чего его можно назвать «эндогенным страхом» (М. И. Розенова), соотносимым со страхами невротического, фобического и экзистенциального характера [7].

Furcht-страхи, в силу их конкретности и опредмеченности, распознаются и оцениваются более адекватно, с более надежным установлением источников и прогнозом. Можно предположить, что в качестве основы здесь выступает инстинкт самосохранения. Angst-страхи (исходящие из внутренней среды и не имеющие четких границ) комбинируются мозаично и иррационально, присовокупляя чувство вины, обиды, печали, гнева, возмущения, преувеличения серьезности с тенденцией формирования «негативной аффективности». Не сложно предположить, что человек, до определенной степени и с определенной успешностью способен контролировать ситуацию Furcht-страха, но ситуация Angst-страха, скорее сама осуществляет контроль над личностью («быть в плену у своего страха»). Furcht-страх может легко трансформироваться в Angst-страх

(фобию, невротическое навязчивое состояние), а вот обратно, из Angst-страха в Furcht-страх, путь более сложен, требует внутреннего осознанного (напряженного и систематического) усиления, а иногда и вмешательства специалистов [7].

Основными механизмами «работы страха», по совокупности, являются: 1) эволюционно заданные способности реагирования; 2) детские переживания (значимые (яркие) ситуации детства и отрочества); 3) знания и научение.

Замысел и организация исследования. Когда человек оказывается в экстраординарной ситуации интегративного (по психотравматике) характера, что происходит с его страхами, особенно если речь идет о современном человеке XXI века, оснащенного высокими технологиями и продвинутой медициной? Этот вопрос мы и задали себе, когда началась пандемическая история конца 2019 года и по сей день протекания. Ответить на данный вопрос с методической точки зрения оказалось не так просто: большинство «рабочих» тестов измеряют параметры тревожности и депрессивности, что и было отражено в многочисленных исследованиях по всему миру [6].

Для поиска ответа на поставленный вопрос мы воспользовались несколькими известными методиками, направленными на выявление страхов: опросником «Виды страха» И. П. Шкуратовой (выявляет наличие и интенсивность мыслей, связанных с различными страхами); опросником иерархической структуры актуальных страхов личности Ю. Щербатых, Е. Ивлевой (позволяет получить интегральный показатель страхов и показатели интенсивности переживаемых страхов). Наиболее интересной для нас показалась методика Гюнтера Амона («Я-структурный тест Г. Амона»), позволяющая выявить уровень выраженности разных качеств страха. Эта методика разработана автором на базе его Я-структурной концепции личности. Методика использована в варианте адаптации Санкт-Петербургского психоневрологического научно-исследовательского института имени В. М. Бехтерева [1].

Качества страха в Я-структурной концепции Гюнтера Амона. Конструктивные страхи проявлены адекватным ответом на реально существующую ситуацию: имеет место соразмерное «отступление» или «активность», с учетом всех действующих факторов, идет поиск необходимых ресурсов, обращение за помощью к другим, активный обмен информацией с окружающими, создание групп поддержки. В результате человек «ведет линию» на разумное уменьшение факторов риска, внимательный,

критический анализ разнородной информации, на основе чего возможен выбор оптимальной (для конкретной ситуации) стратегии поведения.

Дефицитарные страхи – внутренне не ощущаются, как страх или тревога, они заменены чувством усталости, скуки, душевной пустоты, равнодушия. В поведении проявлено неучастие, неадекватность оценок поступков других людей, обесценивание значимых ситуаций, игнорирование опасности, демонстративная смелость, стремление к риску и экстремальности, пренебрежение безопасностью других.

Деструктивные страхи являются защитно-агрессивной реакцией, проявляющейся агрессией и яростью, направленной на других. Выражено нарушение контактов с окружающими (в том числе близкими людьми и друзьями) и снижение собственной продуктивности [1].

В качестве участников исследования (n=355) выступили: мужчины (n=129) и женщины (n=227), трех возрастных групп (18-30, 31-49, 50-70 лет), разного семейного статуса ((женатые (n=44) и холостые (n=85) мужчины, замужние (n=83) и незамужние (n=144) женщины), и разного уровня образования (среднего и средне-специального, незаконченного высшего и высшего). В выборке среди молодых мужчин (средний возраст 24 года) не оказалось женатых, а среди зрелых мужчин (средний возраст 48 лет) практически нет холостых.

Результаты исследования были изложены в некоторых наших публикациях [8; 9; 10]. В отношении поставленного вопроса после применения разных методов математической обработки, в том числе факторизации всех полученных данных, нами была выявлена интересная фактология: абсолютный приоритет страхов утраты социального престижа, личного статуса, заботы и любви (над страхами болезни и смерти), и тенденция замещения конструктивных страхов деструктивными и дефицитарными [8; 9; 10].

Полученные результаты отразили, с одной стороны, специфику реагирования современного человека на ситуацию пандемии: в силу своей общей «оснащенности» люди в меньшей степени боятся смерти и болезни, но очень озабочены возможностью потери социальных статусов и успешности (!). С другой стороны, мы имеем тенденцию замещения конструктивно-рационального реагирования на угрожающую ситуацию, более архаичными реакциями агрессии, что подтверждается в том числе мировым опытом реального поведения людей (рост домашнего и общего насилия, увеличение разводов и суицидов, резкое повышение конфликтности и конфронтации во всех сферах жизнедеятельности) [6].

Вытеснение конструктивных страхов деструктивными и дефицитарными, возможно, и детерминирует странности поведения людей в ситуации объективной опасности (особенно в России и некоторых других странах), в которых на настоящий момент фиксируется: игнорирование опасности, выраженное в демонстративно «до-пандемических» способах взаимодействия (т.е. без поправки на объективную реальность) – отсутствие соблюдения дистанции, активность рукопожатий и объятий, отсутствие маски в общественных местах и при контакте с другими, в некоторых случаях, пренебрежение элементарными санитарно-гигиеническими правилами.

Приведенные в нашем исследовании результаты позволяют несколько иначе оценить текущее состояние и поведение людей. Мы склонны полагать, что люди испытывают сильнейшие страхи, которые, однако, выражены в отличном от привычных способов страх-реагирования, заместительных формах проявления страха – невротических деструктивных и дефицитарных «форматах».

Постоянный мониторинг качеств страха людей в неординарной ситуации позволяет иметь более точное понимание «картины» происходящего, а следовательно, возможность принимать более взвешенные и точные решения о необходимых действиях и, особенно, об информационно-стратегических (являющихся важнейшим фактором влияния) на каждом этапе развития пандемической ситуации.

Литература

1. Амон Г. Динамическая психиатрия. – Издательство «Городец», 2019. – 568 с.
2. Ильин Е. П. Психология страха. – ООО Изд-во «Питер», 2017. – 261 с.
3. Крупник Е. П., Кисельникова Н. В. Психологическая устойчивость личности в трудных жизненных ситуациях; НОУ ВПО Московский психолого-социальный университет – М., 2014. – 256 с.
4. Пергаменщик, Н. Л. Пузыревич. Кризисное вмешательство: практикум / Л. А. Пергаменщик, Н. Л. Пузыревич. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: БГПУ, 2012. – 140 с.
5. Психология экстремальных ситуаций (под редакцией В. В. Рубцова, С. Б. Малых) – М.: Психологический институт РАО, 2007 – С. 290–294.
6. Розенова М. И., Екимова В. И., Огнев А. С., Лихачева Э. В. Страх как кризис психического здоровья в условиях глобальных рисков и перемен [Электронный ресурс] / Розенова М. И. [и др.] // Современная зарубежная психология. 2021. Том 10. № 1. С. 17–26. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100102>

7. Розенова М. И., Екимова В. И., Кокурин А. В., Огнев А. С., Ефимова О. С. Стресс и страх в экстремальной ситуации // Современная зарубежная психология. 2020. Том 9. № 1. С. 94–102. doi:10.17759/jmfr.2020090110
8. Розенова М. И., Екимова В. И., Кокурин А. В., Сорокова М. Г. Особенности мужских страхов в период коронавирусной пандемии COVID-19 // Психология и Психотехника. – 2021. – № 3. – С. 28 – 43. DOI: 10.7256/2454-0722.2021.3.36371
9. Розенова М. И., Екимова В. И., Кокурин А. В., Сорокова М. Г., Зинатуллина А. М. Особенности женских страхов в начальный период пандемии коронавируса и самоизоляции (на материале российской выборки) / Человек в современном мире: Кризис и глобализация: международная междисциплинарная монография. / Сост, ред. M le Chanceaux, И. Э. Соколовская. – М.: Энциклопедист-Максимум, 2020 – С. 314–327.
10. Розенова М. И., Екимова В. И., Кокурин А. В., Сорокова М. Г., Зинатуллина А. М. Пандемия и психическое здоровье: мониторинг страхов в начальный период пандемии COVID-19 /Материалы научно-практической конференции «Психические расстройства в условиях пандемии COVID-19: проблемы и перспективы. Тула, 16 октября 2020 / Под ред Д. М. Ивашиненко. Тула: Издательство ТулГУ, 2020. – С 64–71. – <https://elibrary.ru/item.asp?id=44461753>
11. Свендсен Л. Философия страха / Пер. с норв. Н.В. Шинкаренко – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 288 с.

УДК 159.9

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ
СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ
SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL FACTORS
OF FAMILY VIOLENCE**

Романчик А. В., аспирант Института психологии
БГПУ (г. Минск, Беларусь)

Romanchik A. V., graduate student of the Institute of Psychology
BSPU (Minsk, Belarus)

В статье представлены социально-психологические факторы семейного насилия.

The article presents the socio-psychological factors of domestic violence.

Ключевые слова: семейное насилие, социально-психологические факторы.

Keywords: family violence, socio-psychological factors.